

ФОЛЬКЛОРЪ КАЛМЫКОВЪ

ВЪ СВЯЗИ

съ ихъ современной культурой и бытомъ.

*Отдѣльный оттискъ изъ II-го выпуска Труд. Ставр. Общества
Изуч. Сѣв. Кавказа 1912 г.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. И. Акинфіева, Васковъ пер., 10.

1913.

Фольклоръ калмыковъ въ связи съ ихъ современной культурой и бытомъ

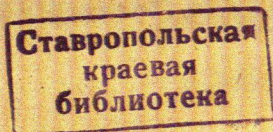
(Изъ дневника этнографа).

398 / 47. 9

Калмыки Ставропольской губерніи представляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ, но мало изслѣдованныхъ народцевъ. Въ духовномъ творчествѣ ихъ много своего крайне оригинальнаго, отражающаго бытъ и судьбу этого народа, который съ каждымъ днемъ таетъ въ своемъ числѣ.

Заинтересовавшись калмыцкимъ фольклоромъ, мы предприняли съ своимъ пріятелемъ-калмыкомъ объѣздъ степи. Бойко бѣгутъ выносливые кони, окутывая насъ облакомъ степной пыли. Сѣровато желтымъ безконечно печальнымъ океаномъ лежитъ степь. Нѣтъ ни одной яркой краски. Все спалило безпощадное солнце. У высыхающихъ озеръ, еле двигаясь, стоитъ изнемогающій скотъ. Нѣтъ ни звука кругомъ, только наши колокольчики плачутъ, стонутъ на просторѣ этого забытаго Богомъ края. На холмѣ около норы суслика неподвижнымъ изваяніемъ застылъ мрачный угрюмый подорликъ: онъ ждетъ обитателя норки, протянувъ лапу около ея выхода. Вотъ ослѣпительно бѣлое песчаное ложе рѣчки; увы, здѣсь ни капли воды, кое гдѣ блестятъ кристаллы соли между камушками и раковинами. Жмутся овцы... Верблюды, пѣвта пустыни, поднимаютъ свои маленькія головы съ застывшимъ трагическимъ выраженіемъ глазъ... Опять безпредѣльная нѣмая даль охватываетъ насъ, человѣкъ такъ малъ, такъ ничтоженъ въ этой одной всепоглощающей пустынѣ, что теперь мы понимаемъ, почему высшая форма богопочитанія (монотеизмъ) выработалась народами пустыни. День смѣняется ночью, вдали маячатъ огни кояровъ въ калмыцкихъ кибиткахъ, звенятъ и поютъ безумолчныя пикады, а мы все еще ѣдемъ...

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о нихъ желающіе найдутъ: С. Фарфоровскій: «Полукочевые народы Сѣв. Кавказа» (монографія въ 40 томѣ Сборника матеріаловъ по описанію мѣстностей и племенъ Кавказа. Тифлисъ).

Нигдѣ, кромѣ степей, не приходилось намъ испытывать такого жуткаго вліянія воспоминаній жизни; маленькая человѣческая жизнь встаетъ во всѣмъ ея трагизмѣ и откуда то является страшный обще-міровой вопросъ всѣхъ временъ: стоитъ ли жить? Оттого житель степи—калмыкъ усвоилъ буддизмъ съ его презрѣніемъ къ жизни, съ его стремленіемъ къ нирванѣ, съ его узкимъ мѣстомъ, отводимымъ остальной дѣятельности человѣка. «Скоро ли хотонъ?»—спрашиваемъ мы своего спутника калмыка... «Скоро, очень скоро», отвѣчаетъ онъ: «только 40 верстъ осталось»... Въ степи 40 верстъ это мало.

Вотъ мы въ хотонѣ, и въ кибиткѣ. Съ яростнымъ лаемъ встрѣтили насъ собаки... Мы встали, расправили затекшіе члены и отдыхаемъ. Подходить хозяинъ, мы говоримъ ему обычное «менде» и спокойно садимся на почетное мѣсто. Въ центрѣ таганокъ, подъ нимъ еле тлѣетъ кизякъ, обычное топливо калмыковъ. Около суетится калмычка; она приготовляетъ для насъ *раки*. Раки очень опьяняютъ, онъ—блаженство калмыка. Такъ какъ рецептъ приготовления его до сихъ поръ не описанъ, то сообщаемъ его.

Послѣ того какъ выдоены коровы, часть молока выливается въ высокую и узкую кадку, плотно завязанную тряпкой. Кадка ставится въ теплое мѣсто. Это готовится *арьянъ*. Здѣсь съ молокомъ вмѣстѣ лежитъ ржаной хлѣбъ. Молоко отъ тепла начинаетъ бродить и окисляется. Когда кадка полна, берутъ два котла: одинъ большой, другой меньше. Большой ставится на таганъ и въ него выливается арьянъ, маленькій ставится на землю. Оба котла закрываются деревянными крышками, въ срединѣ которыхъ есть круглыя отверстія. Въ крышку большого котла вставляютъ конецъ длинной кривой трубы, другой конецъ, который вставляютъ въ маленький котелъ. Всѣ щели замазываютъ глиной. Тогда подъ большимъ котломъ разводять огонь и перегоняютъ паръ въ маленький.

У насъ одна цѣль—поскорѣ записать калмыцкія сказки и пѣсни. Но гостепріимная хозяйка хочетъ угостить насъ еще калмыцкимъ чаемъ. Мы отогрѣлись, рады, что достигли цѣли путешествія, къ которому такъ долго готовились, и благодаримъ гостепріимную степнячку. Съ притворной скромностью она кокетливо вскидываетъ на насъ свои довольно красивые раскосые глазки и старается еще больше; увы..., мы сдѣлали ошибку... Придется отплачиваться за нее и пить калмыцкій чай. Въ подолѣ своего

Его же: «Народное образованіе и духовн. творчество калмыковъ» (Журналъ Министер. Народн. Просв. 1910, VI). «Образованіе у калмыковъ» (Русская Школа, 1912 г.). Калмыцкія легенды напечатаны нами въ журналѣ «Вокругъ Свѣта» 1910 г. № 19 и въ изданіяхъ Общества исторіи, древностей (Ростовъ Донъ).

громднаго костюма калмычка приносить еще кизяку ¹⁾, гдѣ виднѣются отпечатки ея ручекъ, формировавшихъ его, когда онъ былъ въ мягкомъ еще видѣ. Здѣсь, въ степи, о безразличности совсѣмъ другого мнѣнія. Вотъ ловкими жестами кизякъ разломанъ на кусочки и кладется подъ таганокъ. Не теряя времени на мытье рукъ, милая хозяйка вычищаетъ пальцемъ, облизывая его отъ грязи, котелокъ. Туда вливается вода... Ножомъ, еще грязнымъ отъ налипаго на него дегтя (имъ счищали съ колесъ), рѣжетъ она плитки чая и всыпаетъ въ кипящую воду. Туда же льетъ молоко и кладетъ много соли. Когда чай сварится и листья его будутъ выловлены сачкомъ, слѣдуетъ послѣдняя приправка. Изъ подъ хлама хозяйка достаетъ кончиками пальцевъ кусочекъ масла, бросаетъ его въ котелъ, облизывая пальцы. Чай готовъ и налить въ чашки, немывшіяся со дня ихъ выхода на свѣтъ Божій. Но для насъ дѣлается любезное исключеніе, внутренняя стѣнка ихъ вычищается по прежнему рецепту, т. е. пальцами. Мой сосѣдъ съ удовольствіемъ пьетъ напитокъ, хваля его и буквально облизывая пальцы... я держу въ рукахъ чашку... какая она большая, дипломатически соглашаюсь со всѣмъ (чего не сдѣлаешь для науки), но... но... не рѣшаюсь... Наконецъ, дѣлаю послѣднее героическое усиліе и пью чай большими глотками, стараясь при этомъ не дышать... Боюсь непріятныхъ послѣдствій. За стѣной кибитки тошнить верблюда, который съ характерными звуками изъ желудка переправляетъ для перетиранія пищу въ ротъ.

Наконецъ, можно перейти къ описанію народнаго творчества калмыковъ. Оно развито очень слабо и выражалось въ элементарныхъ видахъ эпоса. Такъ же слабо развита народная лирика... Калмыцкія сказки очень печальны. Крайне интересны повѣрья, примѣты. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ (доселѣ неопубликованныя).

На чемъ держится земля? Отчего происходитъ вѣтеръ?

Калмыки утверждаютъ, что земля держится на лягушкѣ: «когда лягушка квакаетъ, земля трясется».

На землѣ стоятъ двѣ башни: одна на востокъ, другая на западъ. Въ башняхъ живетъ богатырь. Онъ переходитъ изъ одной въ другую. Когда онъ спитъ въ западной башнѣ, вѣтеръ дуетъ съ запада, перейдетъ въ восточную, и вѣтеръ будетъ дуть съ востока ²⁾.

Особенно бояться въ степи грозы, представляющей въ высшей степени грандіозное зрѣлище.

¹⁾ Топливо изъ экскрементовъ скота, съ соломой.

²⁾ Это объясненіе происхожденія вѣтра принадлежитъ, очевидно, калмыкамъ, живущимъ въ Ставропольской и Астраханской губерніяхъ, гдѣ дуютъ только эти два вѣтра.

Во время грозы, калмыки испуганно кричатъ: *чакх! чакх!* Женщины стараются крѣпче привязать къ землѣ кибитки веревками. Скотъ загоняется. Всѣ прячутся подъ защиту кибитокъ. Хотонъ замираетъ. Только слышится раскаты грома и металлическій звукъ. Это калмыки бьютъ ржавыми желѣзными вещами другъ о друга. Посреди кибитки ярко пылаетъ огонь. На огнѣ жгутъ желтый прѣлый войлокъ, желая отвлечь этимъ ударъ грома. Убитая громомъ скотина считается даромъ Божиимъ, мясо ея дѣлится между всѣми калмыками.

Изъ вѣрованій калмыковъ очень интересны прогребальныя. Нѣкоторое представленіе о нихъ даетъ слѣдующій разсказъ, записанный нами.

Схороненная безъ молитвы.

Жилъ одинъ бѣдный калмыкъ далеко отъ своей родины. Умерла у него жена; онъ ее похоронилъ безъ *гелюнга* ¹⁾, а самъ перекочевалъ на другое мѣсто. Лѣтъ черезъ пять ему пришлось ѣхать мимо стараго мѣста. Онъ ѣхалъ съ сыномъ. Дѣло было зимой. Когда подъѣхалъ ближе къ рѣчкѣ, то замѣтилъ катающуюся по льду женщину-калмычку. Онъ удивился: откуда же калмычка? по близости хотона нѣтъ. Онъ подъѣхалъ ближе и узналъ въ ней свою умершую жену. Онъ спрятался въ камышѣ и сталъ слѣдить за ней. Женщина то каталась по льду, то плясала и пѣла. Вдругъ она остановилась. Стала громко звать по имени своего сына. Потомъ стала проклинать мужа, который похоронилъ ее безъ молитвы гелюнга. Съ проклятія она перешла къ угрозамъ. Она кричала: «Я приду и погублю тебя. Ты отъ меня не уйдешь». Вдругъ она исчезла. Мужъ страшно испугался и поѣхалъ къ гелюнгу. Гелюнгъ исполнилъ извѣстный обрядъ поминовенія, послѣ чего умершая не показывалась.

Это еще хорошо, но есть гелюнги, которые и въ адъ не въ силахъ направить. Тогда душа остается при тѣлѣ. По ночамъ она въ образѣ человѣка является родителямъ или родственникамъ, проситъ отправить ее на тотъ свѣтъ.

Представленіе о силѣ гелюнговъ надъ умершими высказывается и въ фольклорѣ калмыковъ.

«Богатому—рай, бѣдному—адъ», говорятъ калмыки. По ихъ понятіямъ душа богача можетъ быть выкуплена изъ адекихъ мученій. Объ этомъ обыкновенно заботятся родители или родственники умершаго и берутъ къ себѣ на домъ *бакиш*. Послѣ совершенія

¹⁾ Жрецъ.

обряда поминовѣнія родитель или родственникъ отдастъ бакшѣ имущество умершаго. Бакша часть его отсылаетъ Далай-Ламѣ, который долженъ своею молитвою ввести душу умершаго въ рай («суки боднѣ аронъ»). Когда же умираетъ бѣднякъ, и родственнику не на что пригласить бакшу, зовутъ гелюнга, чтобы прочесть молитву. Душа идетъ въ адъ, на страданіе.

Гелюнгъ не только ходатай за умершихъ, онъ въ то же время врачъ многочисленныхъ калмыцкихъ болѣзней, увы, очень часто залѣчивающій до смерти паціентовъ. Обыкновеннымъ средствомъ лѣченія особенно лихорадки является строгая діета, состоящая въ томъ, что больному не даютъ ничего ѣсть, а поятъ кипяченой водою.

Часто, когда бакши убѣждены, что болѣзнь происходитъ отъ вліянія злого духа, они выгоняютъ послѣдняго изъ больного. Намъ пришлось какъ то присутствовать при одной подобной операціи.

Бакша съ гелюнгомъ и *манджиками* ¹⁾ сдѣлали изъ тѣста коня и всадника. Начали молиться. По окончаніи молитвъ бакша нѣсколько разъ позвонилъ надъ всадникомъ, похлопалъ въ ладоши и плюнулъ. Манджики взяли всадника и выбросили на дворъ.

У калмыковъ очень мало сказокъ, но за то всѣ сказки такъ характерны, такъ типичны, что слушаешь съ громаднымъ наслажденіемъ. Выберемъ двѣ изъ нихъ.

О калмыкѣ Кепѣ и женѣ его.

Жилъ калмыкъ Кепъ и была у него жена Утбала. Кепъ былъ человѣкъ нехорошій, грубый, безсердечный и часто обижалъ свою жену. Утбала была труженицей; съ ранняго утра и до поздней ночи не имѣла она ни минуты отдыха: печь, стряпаетъ, убираетъ... Няньчить дѣтей; цѣлые дни таскаетъ ихъ за собой, обшиваетъ съ мала до велика, собираетъ и разбираетъ кибитку. А мужъ только лежитъ на боку, да гуляетъ по хотону. Когда же приходитъ домой,—ругаетъ и бьетъ свою жену. Отъ побоевъ, да отъ работы Утбала померла. Кепъ не могъ вести хозяйства и съ горя сталъ онъ пить. Все пропилъ, что тяжкимъ трудомъ скопила его жена. А гелюнги (жрецы) говорили, что Богъ его наказываетъ. Однажды Кепъ заснулъ около кибитки и сквозь сонъ видитъ, что къ нему идетъ странникъ, подошелъ онъ и говоритъ: «Кепъ! Я Великій Бакишнѣ Гегенъ. Пришелъ сказать, что неправильно живетъ народъ мой. Жена у мужа служитъ рабыней; это—грѣхъ. Жена—подруга мужа. Ее надо жалѣть, любить, трудъ, радость и

¹⁾ Ученикъ гелюнговъ.

горе дѣлать съ нею»... Странникъ исчезъ. Кепъ пошелъ къ гелюнамъ и разсказалъ имъ свой сонъ.

По мысли и идеѣ эта сказка очень чудесна. Но слова Великаго Бакиши Геген'а, и до сихъ поръ остаются въ области благихъ пожеланій.

Вотъ другая сказка, гдѣ очень изящны блески юмора степняковъ.

Какъ лѣнивый старикъ разбогатѣлъ.

Тушу—это несчастный день, когда ничего нельзя предпринимать. У одного лѣниваго старика всегда былъ тушу... Онъ лежалъ въ кибиткѣ и курилъ трубку... Бѣдной старухѣ приходилось работать одной и ей это было очень трудно. Она задумала, какъ бы заставить старика работать. Однажды она встала рано утромъ, поставила горшокъ съ масломъ на дворъ. Когда старикъ одѣлся и вышелъ, онъ увидалъ горшокъ съ масломъ... Онъ приближалъ къ старухѣ и говоритъ: «Старуха, я нашелъ горшокъ масла: вари калмыцкій чай».—«Вотъ видишь, отвѣтила старуха, въ первый только разъ вышелъ изъ кибитки и нашелъ уже горшокъ съ масломъ»... Въ другой разъ она положила за кибиткой большой кусокъ баранины и опять послала старика на дворъ. За кибиткой онъ увидалъ уже не масло, а большой кусокъ баранины... Старикъ обрадовался и закричалъ старухѣ: «я нашелъ кусокъ баранины, вари скорѣй *шулюнъ*¹⁾». Старуха сварила шулюнъ и они съѣли его за обѣдомъ. У нихъ была одна лошадь и собака. Вотъ старуха и говоритъ старику: «первый разъ ты нашелъ горшокъ съ масломъ, второй разъ кусокъ баранины, побѣждай теперь на охоту, можетъ быть, что нибудь убьешь».

Старикъ осѣдлалъ коня, взялъ лукъ, стрѣлы и собаку и побѣхалъ охотиться въ степь.

Тамъ онъ увидѣлъ зайца; старикъ привязалъ собаку къ лошади, чтобы она не убѣжала, и самъ побѣждалъ догонять зайца. Долго онъ бѣгалъ за нимъ, но догнать не могъ; тогда онъ вернулся къ собакамъ и лошади, но онѣ тоже ушли куда то. Старикъ пошелъ ихъ искать. Искать очень долго и захотѣлось ему ѣсть. Вдругъ онъ увидалъ въ травѣ что то блеститъ. Онъ поднялъ... золотое кольцо. Въ это время къ нему подошли два калмыка и спросили: «Старикъ: не находилъ ли ты золотого кольца? Старикъ сказалъ: кольца то я не находилъ, но я колдунъ и скажу вамъ, гдѣ оно: дайте только мнѣ свиную голову» (онъ хотѣлъ очень ѣсть).

¹⁾ Національное кушанье, любимое калмыками. С. Ф.

Калмыки пошли домой за свиной головой, а старикъ бросилъ кольцо опять въ траву. Когда они принесли ее, старикъ съѣлъ и говорить: кольцо здѣсь, въ травѣ»...

Они поискали его и нашли; нашли и поѣхали домой, а старикъ тоже поѣхалъ домой. Въ другой разъ старикъ опять поѣхалъ охотиться и увидалъ, какъ тѣ два калмыка гонять въ степь двухъ лошадей... Въ это время у хана тоже пропали двѣ лошади... Эти два калмыка (чтобы посмѣяться надъ старикомъ) и говорятъ хану: «есть одинъ старикъ, который можетъ узнать, гдѣ лошади» (они думали, что старикъ не видалъ, какъ они гнали лошадей). Ханъ приказалъ позвать старика. Повели его, посадили въ отдѣльную кибитку, дали ему свиную голову. Старикъ съѣлъ ее и легъ спать. Утромъ онъ говоритъ хану: «а лошадей украли тѣ, которые ходили за мной». И вѣрно; лошадей нашли у нихъ.

Тогда ханъ ихъ наказалъ, а старика спросилъ: «чего тебѣ надо отъ меня?».

Старикъ попросилъ стадо овецъ съ пастухомъ и съ тѣхъ поръ сталъ спать по прежнему: у него всегда была ѣда и чай.

Вотъ наиболѣе характерныя поговорки и загадки калмыковъ, точно отражающія ихъ бытовые черты:

Поговорки:

Водка портить все, кромѣ посуды.
 Воръ не любитъ луны, а глупый умнаго.
 Кому нужна помощь—поможетъ бѣдный.
 Говори меньше, думай больше.
 За неимѣнемъ собаки,—лаетъ и свинья.
 Змѣя, заползая въ кибитку, выгоняетъ и хозяина.
 Уголь сколько ни мой водой, бѣдѣ не будетъ.
 Хорошаго мужчину можно узнать въ дорогѣ, хорошую женщину въ кибиткѣ.

Загадки:

- 1) Аржанецъ пьетъ араку (роса).
- 2) Безшейнаго верблюда нельзя догнать (дорога).
- 3) Быстрѣ стрѣлы на аршинъ, быстрѣ вѣтра на сажень (телеграмма).
- 4) Вонь умершій другъ смотреть. (Дыра въ кибиткѣ).
- 5) Въ земляной трубѣ мясная пробка. (Сусликъ въ норѣ).
- 6) Собаки хотона лають въ одну сторону. (Дымъ).

7) Въ большой кибиткѣ малая кибитка, а въ малой кибиткѣ—ребенокъ. (Сапогъ, чулокъ, нога).

8) Животъ великъ, голова дырява. (Кибитка).

Изъ этихъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ фольклора можно видѣть, въ какомъ состояніи находитесь эта горсточка калмыковъ, тая со дня на день. Способность инициативы и сопротивленія доведена до minimum'a, и угасаетъ этотъ народецъ, остатокъ грозныхъ полчищъ степняковъ, убавлявая свое тѣло аракой, усыпляя свой духъ сказками и религіей глубокаго спокойствія и отрѣшеннаго отъ міра уединеннаго созерцанія. (Докладъ Госуд. Совѣту о калмыкахъ).

Малочисленная интеллигенція бьетъ тревогу и громко зоветъ народъ къ пробужденію... Но ихъ никто не слышитъ, да и некому.

Когда мы возвращались обратно, у Маныча къ намъ подошли два калмыка пастуха. Лица ихъ загорѣли и были изнурены, одежда была изорвана, а на ногахъ вмѣсто сапогъ были куски не выдѣланной кожи, стянутые ремнями. Когда я далъ имъ хлѣба, они съ волчьей жадностью набросились на него и стали глотать куски. Они сказали, что больше мѣсяца не видѣли хлѣба, а питались молокомъ.

С. Фарфоровскій.

420945

